

На правах рукописи

Пантыкина Марина Ивановна

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ:
МЕТОДОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Екатеринбург 2010

Работа выполнена на кафедре философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Научный консультант:

доктор философских наук,
профессор Ю.Г. Ершов

Официальные оппоненты:

доктор философских наук,
доцент С.А. Азаренко
доктор философских наук,
профессор В.Г. Федотова
доктор философских наук,
профессор В.П. Щенников

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Самарский
государственный университет»

Защита состоится «_____» _____ 2010 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького» по адресу: 620000 г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Автореферат разослан «___» _____ 2010 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор философских наук,

доцент

О.Б. Ионайтис

Общая характеристика работы

Актуальность исследования

Анализ состояния и перспектив развития современного общества предполагает обращение к методологическому и социально-философскому аспектам изучения правовой жизни. Практическая значимость многовекторного исследования явлений и процессов правовой жизни обусловлена несколькими проблемными обстоятельствами. Во-первых, право в современном мире все чаще выполняет функцию универсального регулятора общественных процессов, сфера влияния которого не ограничивается юридической системой, а включает в себя все характеристики человеческого бытия: вопросы безопасности, потребность личности в развитии своих способностей, рождение и смерть человека, право на достойную старость. В связи с этим становится очевидным необходимость разработки философских подходов, ориентированных на исследование гуманистической ориентации процесса целеполагания, результатов и пределов правовой деятельности.

Во-вторых, на фоне положительной тенденции расширения и конкретизации области применения ценностей права наблюдаются процессы, разрушающие их незыблемость. К таким процессам относятся устойчивое воспроизводство неправовых практик, обострение противоречий между формальными нормами и обычным правом, укорененным в национальной правовой культуре. Данная проблема актуализирует потребность в выявлении критериев оценки преобразований в праве, в поиске теоретических оснований прогнозирования и разработки адекватных форм правовой практики.

В-третьих, интенсивность изменений, происходящих в правовой жизни, зачастую приводит к возникновению противоречий между принимаемыми мерами, направленными на совершенствование системы правового регулирования, развитие правовой культуры граждан, и реальными результатами. Будучи интеллектуальным основанием развития правовой жизни, философия должна воздействовать на нее посредством формирования

рефлексивного стиля правового мышления, преодоления идеологических «деформаций» в правотворчестве и правоприменении на основе открытого, рационального обсуждения перечисленных выше проблем правовой жизни.

Теоретическая значимость социально-философского исследования явлений и процессов правовой жизни связана с методологическими трудностями изучения изменений в современном праве. Имеющимся в юридической и философской литературе примерам подобных исследований свойственно стремление адаптировать привычные теоретико-методологические подходы к новым условиям или распространение постмодернистских установок в виде радикальной деконструкции и «смерти социального» на классическое правопонимание.

Однако было бы неверным утверждать, что теория права совсем не развивается. Отсутствие единых методологических стандартов в последние годы укрепило позиции крупных юридических школ, разрабатывающих неклассические теории права, создало условия появления множества самостоятельных философских концепций права. Постепенно из многообразия юридических и философских исследований проблем правопонимания «выкристаллизовываются» векторы-тенденции развития теории и методологии права, которые ставят вопрос о необходимости их актуализации, переосмысления сложившихся типов правопонимания.

В этом контексте одна из задач диссертационного исследования состоит в том, чтобы раскрыть право как «горизонт» жизненного мира и самопорождающийся социальный процесс, лишенный вневременной устойчивости и предполагающий постоянную корректировку правопонимания. Следует подчеркнуть, что данная задача коррелируется с предназначением социальной философии, обусловленным, во-первых, необходимостью формирования целостной картины социального мира, описанием оснований и разнообразных форм социального бытия и, во-вторых, потребностью в адекватных средствах и способах их познания. В реализации этого предназначения философско-правовой проблематике отведена функция

обеспечения конкретизации предмета социальной философии посредством исследования универсальной духовно-интеллектуальной структуры и основных принципов бытия права как социального феномена. Социально-философская интерпретация проблем права ориентирована на формирование образа правовой жизни, являющегося фрагментом общей социальной картины мира и, одновременно, одним из условий полноты и непротиворечивости социального познания.

В общем предметном поле социальной философии и философии права правовая жизнь может быть представлена в различных аспектах (онтологическом, гносеологическом, социокультурном, антропологическом, экзистенциальном и т.д.) и методологических подходах (системном, структурно-функциональном, историческом, герменевтическом и т.д.). Отдельное направление в социально-философском исследовании права, связанное со спецификой неклассической рациональности, задает социальная феноменология как теоретико-методологическая концепция, рассматривающая общество как конституированный мир смыслов, взаимосогласованных правил и вариаций форм человеческой деятельности. Специфика применения социально-феноменологического подхода к философско-правовой проблематике состоит, во-первых, в наличии эксплицирующей философской теории, во-вторых, в оперировании системой методологических процедур и, в-третьих, в ориентации на исследование актуального права. Перенос акцентов на актуальное означает, что в праве следует видеть сопряжение всех форм жизнедеятельности человека и общества, принимать в расчет не абстрактный субъект права, а конкретные формы реализации правосубъектности, обнаруживать в схемах реализации нормативности данности культуры и социального опыта.

Степень научной разработанности проблемы. Размышляя о практическом и теоретическом статусе данного исследования, приходится признать, что феноменология правовой жизни является перспективным, но недостаточно разработанным направлением социальной философии. Ее предназначение состоит в том, чтобы стать методологическим основанием интегративного

правопонимания и, следовательно, условием актуализации теории и философии права. Для реализации данного предназначения необходимо выяснить условия применения феноменологической методологии, апробировать феноменологические процедуры в исследовании правовых явлений и процессов.

Феноменологическая традиция философии права, безусловно, обязана своим развитием учению Э. Гуссерля, которое позволило обосновать возможность применения рефлексивно-критической позиции к классическим типам правопонимания. В настоящее время можно говорить о феноменологии как о сложившемся институализированном философском движении, особенности которого подробно описаны в работах В. А. Куренного и немецкого исследователя Г. Шпигельберга. Феноменологическое учение Э. Гуссерля оказало влияние на все сферы социально-гуманитарного знания: философию (Г. Шпет, С. Франк, М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр), культурологию (М. Шелер, Э. Кассирер), социологию (П. Бергер, Т. Лукман, А. Шюц, Ф. Кауфман, Ю. Хабермас, П. Бурдьё), правоведение (Н. Н. Алексеев, А. Райнах, П. Ф. Линке), психологию (К. Ясперс, К. Штумпф). Среди современных отечественных философов анализу специфики социальной феноменологии и ее методологии посвящены труды В. Г. Федотовой, В. И. Молчанова, Н. М. Смирновой, К. А. Свасьяна, П. П. Гайдено, Н. В. Мотрошиловой, В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова, В. А. Конева, К. С. Пигрова, Д. Н. Разеева и др.

Первый опыт применения феноменологической методологии к праву состоялся еще при жизни Э. Гуссерля в работах представителей Мюнхенской школы феноменологии Ф. Шрайера и А. Пфендера. А. Райнах, основываясь на концепции лингвистической значимости Э. Гуссерля, обратился к разработке первой систематической теории исполнительных употреблений языка, в число которых вошли не только обещания или команды, но и предупреждения, упрощения, обвинения, лесть, провозглашения, присвоения имен и т.д. – все те феномены, которые Райнах называл «социальными действиями».

В русской философии права С. И. Гессен, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев, Ф. А. Степун, Г. Д. Гурвич, Л. И. Петражицкий при разработке правовой проблематики использовали некоторые феноменологические идеи и методологию. Вершиной русской феноменологии права можно считать учение о правовой структуре Н. Н. Алексеева, в котором он ставил цель обнаружить горизонт «видения» права, позволяющий, по возможности, целиком охватить этот сложный феномен.

В 70-е годы XX века возрождается интерес к феноменологическому подходу в исследованиях правовой проблематики. Именно тогда появляются работы Г. Коинга и Х. Хубмана, в которых право рассматривается в контексте концепции абсолютных ценностей феноменологии М. Шелера. Феноменология права как теория правовых эйдосов представлена Г. Гуссерлем, Ф. Кауфманном, П. Амселем, Б. Вальденфельсом и С. Гойар-Фабр, которые считают ее предметом рефлексивное описание мира права и его внутреннего источника в сознании. Идею логической формы Дель Веккио Джорджио, основанную на интенциональном анализе, также следует считать значительным вкладом в развитие феноменологии права. Синтез неокантианской теории ценностей и феноменологических учений об интенциональности и intersубъективности определяет специфику философии права Коссио Карлоса.

В отечественной теории права советского периода сложились тенденции, направленные на модернизацию правопонимания с учетом достижений научной гуманитарной мысли (С. С. Алексеев, В. Н. Кудрявцев, А. М. Васильев, В. П. Казимирчук, В. С. Нерсисянц, А. Ф. Черданцев, Л. С. Явич и др.). Одновременно с пересмотром традиции правопонимания и поиском новых методологических ориентиров в постсоветской отечественной правоведческой литературе активно исследуется область юридического мышления (А. И. Овчинников, Н. Н. Тарасов, А. Ю. Мордовцев, В. М. Розин и др.) Результатами обновленного субъективного права можно считать интересные исследования, касающиеся вопросов усмотрения в праве (А. А. Малиновский), правовых интересов, целей, средств и стимулов в праве и правовой политике (А. В.

Малько, К. В. Шундуков, В. В. Субочев). Еще одним признаком обновления теории и методологии права следует считать появление научных публикаций, которые посвящены поиску предельных онтологических категорий: «правовая жизнь» (А. В. Малько), «правовая коммуникация» (А. В. Поляков) «правовой диалог» (И. Л. Честнов), «правотворчество» (М. Ф. Орлих).

В последние десятилетия интерес к проблемам феноменологии права обусловлен осознанием несоответствия между радикальными изменениями в устройстве социального мира и классическими типами правопонимания. В этом контексте акцентирование внимания на значимости феноменологических идей идет по нескольким направлениям. Во-первых, феноменология рассматривается как теоретико-методологическое основание интегративного правопонимания (А. В. Поляков, В. В. Биbihин, И. Н. Грязин). Во-вторых, феноменологическое учение о жизненном мире утверждается в качестве предпосылки разработки понятий современной теории и философии права (И. Д. Невважай, Ю. Е. Пермяков, С. И. Максимов). В-третьих, под влиянием идеи интерсубъективности развиваются коммуникативные и герменевтические теории права (П. Рикер, Б. Вальденфельс, Ю. Хабермас, А. В. Поляков, И. Л. Честнов, А. И. Овчинников, И. П. Малинова, С. И. Максимов и др.). В-четвертых, рецепция различных идей феноменологии позволила таким известным зарубежным теоретикам права и философам как Н. Луман, Г. Берман, Р. Дворкин, Г. Харт, В. Майхоффер, М. Мюллер, А. Кауфманн внести значительный вклад в становление неклассической и постнеклассической научной парадигмы права.

Нельзя не отметить значение исследований уральской философской школы, посвященных разработке теоретических и методологических оснований социальной феноменологии (С. А. Азаренко, В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов), проблемам соотношения власти и общества (Н. В. Бряник, Ю. Г. Ершов, О. В. Шабурова), нормативно-ценностным механизмам самоидентификации (В. В. Ким, В. И. Копалов, Ю. И. Мирошников, К. М. Ольховиков, Д. В. Пивоваров).

В целом, проблемы исследования правовой жизни, в силу непродолжительности его истории, остаются наименее разработанным направлением социальной философии, поэтому данная диссертация призвана восполнить существующий теоретический пробел посредством выявления методологических возможностей феноменологии.

Объект и предмет исследования. Объектом данного диссертационного исследования следует считать феномен правовой жизни, который предстает как мир данностей права, возникающий в актах интерпретации смыслов социального опыта и реализующийся в специфических способностях субъекта права – правомочиях, правовых обязанностях и правовых суждениях, конкретизированных и закрепленных в правовых институтах. Предметом диссертации являются теоретико-методологические основания социально-философского исследования правовой жизни.

Цель и задачи исследования. Цель – разработка интегративной социально-философской концепции и методологии исследования правовой жизни на основе обобщения теоретического содержания феноменологии, задающей неклассическое направление философии права. В соответствии с поставленной целью, в работе решаются следующие задачи:

- 1) осуществить сравнительно-историческую реконструкцию проблемного поля феноменологии права;
- 2) показать значение феноменологической методологии для развития интегративного правопонимания;
- 3) раскрыть эвристические возможности концепта «правовая жизнь» для исследования права в онтологическом и гносеологическом аспектах;
- 4) описать право-структуру и право-процесс как онтологические основания правовой жизни;
- 5) выделить и описать элементы феноменологической модели права с точки зрения ее структуры, образованной социальным опытом, правовыми ценностями, субъектом права, его способностями и правовыми суждениями;

б) выяснить возможности применения феноменологической дескрипции и феноменологической модели права в качестве методологических оснований исследования тенденций развития современного российского права.

Методологические и теоретические основания исследования

Социальная феноменология не только задает новое направление исследования права, но и определяет набор специфических методологических процедур: редукцию, дескрипцию и интерпретацию. В частности, применение феноменологической редукции позволяет непосредственно сосредоточиться на феноменах права с помощью блокирующей эпохе. Вспомогательной процедурой является интенциональный анализ, инкорпорированный в структуру феноменологической редукции. Будучи средством наблюдения за конституированием феноменов правосознания, он помогает исследовать исходные данности права, ответить на вопрос о том, как формируются его смыслы, и позволяет раскрыть онтологические основания права, в качестве которых выступают право-структура и право-процесс.

Следующая за ней процедура феноменологической дескрипции призвана зафиксировать основополагающие, но не лежащие на поверхности, качества и измерения феномена правовой жизни, расположить в определенном порядке ее «почву» и «горизонты». В результате право-структура «показывает» себя в таких ипостасях как интенциональная структура и система институций права. Дескрипция права-процесса реализуется в логике двойного полагания. Сначала, в предваряющем акте феноменологической редукции, «вещный мир» права выносится за скобки и в интенциональном анализе предстает в виде процессов пассивного и активного смыслообразования. А затем правовые смыслы возвращаются на свою «почву» и исследуются с точки зрения явленности правовых процессов.

Следует заметить, что обращение к конкретным явлениям правовой жизни является необходимым элементом процедуры дескрипции, поскольку исследование можно считать феноменологически выверенным лишь в том случае, если удастся предъявить научному сообществу генетическую

преемственность между первичными значениями в структурах жизненного мира и научными конструктами. Примеры в феноменологическом исследовании выполняют еще одну функцию: они конкретизируют интерпретацию значений феноменов права. И хотя истолкование не является, строго говоря, собственно феноменологической процедурой, оно расширяет границы восприятия права, решая при этом вопрос об актуальности феноменологического исследования.

Многообразие проявлений права и его сходство в некоторых аспектах с другими видами социального регулирования, диктуют необходимость дополнить традиционный список феноменологических процедур моделированием. Феноменологическая модель права выполняет функцию «фокуса», конкретизирующего сущность права, и позволяет отличить правовые явления от всех остальных. При этом признание существования некоторой универсальной структуры - модели права, не отрицает его постоянной изменчивости. Она лишь посредством типизации обеспечивает корреляцию различных способов его данности с единым «горизонтом» жизненного мира права.

Кроме специфических методов социальной феноменологии в настоящем диссертационном исследовании используются метод сравнительно-исторического анализа, а также методологические принципы единства онтологического и гносеологического, принцип актуализма. Метод сравнительно-исторического анализа позволяет реконструировать логику исторического развития феноменологических представлений о праве, выявить общее и особенное в них. Принцип единства онтологического и гносеологического лежит в основе исследования правовой жизни, определяя ее и как социальный процесс, и как процесс конституирования, то есть порождения смыслов и образов права из условий самой предметности. Принцип актуализма выражает требование рассматривать право на любой стадии его развития как идентичное самому себе.

Теоретическое основание диссертации составляют как фундаментальные классические труды зарубежных и отечественных философов и правоведов, так и современные исследования в области теории и истории права, философии права, социологии, политологии, антропологии и культурологии.

Научная новизна исследования. Научная новизна предлагаемой работы выражается в том, что в ней впервые в отечественной философской литературе формулируется социально-философская концепция правовой жизни, к исследованию феномена правовой жизни применяется весь арсенал методологических процедур феноменологии.

Основные результаты диссертационного исследования, определяющие ее новизну, заключаются в следующем:

1) представлена экспозиция единого проблемного поля феноменологии, социальной философии и философии права с последующим применением теоретико-методологических оснований феноменологии и ее методологических процедур к исследованию правовой жизни в контексте социальной философии;

2) показано, что феноменология является методологической основой интегративного правопонимания, которая расширяет границы восприятия права, устанавливаемые традиционными типами правопонимания; предполагает выход в область многомерного описания права, в которой оно предстает как действительный мир права или правовая жизнь, ориентирует на исследование актуального права, поиск оснований права в человеческом бытии;

3) определен концепт правовой жизни как синтетическое понятие и смысловой коррелят права, который обладает открытым «горизонтом» значений: смысловыми измерениями и измерениями-явлениями. В контексте смысловых измерений правовая жизнь – это действительный мир права, который всегда предпослан научному и практическому освоению права как пространство очевидных утверждений о праве или собственно актуальное право. Измерения-явления правовой жизни определяют ее как эмпирическую данность, представленную субъектом права (с его способностями к

правомочиям, правообязанностям и правовым суждениям), социальным опытом и правовыми ценностями;

4) описан процесс конституирования права как двухфазовая когеренция пассивных и активных синтезов в правосознании. При этом пассивные синтезы, отвечающие за восприятие права как некоей определенности и оформленности, всегда «обременены» активными синтезами, выводящими смысл права из «горизонта» - виртуальности права, коррелята всех компонентов его неопределенности и временности;

5) объяснена природа процессуальности права и условия формирования образа вневременной правовой структуры. Процессуальность права определяется нерегулярностями правовой жизни, которые коррелируются с отсутствием постоянства в интенциональной структуре правосознания. Однако, несмотря на постоянную изменчивость права, субъект обладает интенциональным полем постоянного присутствия в нем, что служит основанием для интенционального выделения элементов и связей, которые, в конечном счете, создают фикцию вневременной структуры права;

6) разработана интегративная феноменологическая модель права как структура пространства права, с помощью которой можно описать безусловные связи, возникающие между социальным опытом, задающим контекст реализации всех остальных элементов правовой структуры, правовыми ценностями, определяющими цель и содержание правовых практик, субъектами права, характеризующимися со стороны своих способностей действовать и быть признанными в пространстве права и суждениями субъектов права, актуализирующими их способности и придающими значение правовым фактам.

Основные положения, выносимые на защиту.

1) Феноменология является неклассической исследовательской программой, позволяющей достичь интеграции фундаментального и инструментального (методологического) аспектов социального познания: интенциональность обуславливает наличие в познании идеалов и образцов (эйдических канонов), а методологические процедуры (редукция,

интенциональный анализ, дескрипция и интерпретация) являются инструментами (органонами), позволяющими осуществлять рефлексию и структурировать результаты познания. При этом феноменологическая методология не только демонстрирует продуктивность такой интеграции, но и обнаруживает ограничения. Во-первых, предзаданность субъективности и интерсубъективности в отношении социальных явлений неизбежно заканчивается серией типизаций, что влечет за собой необходимость адаптации некоторых средств познания классической науки, в частности моделирования, к решению задач феноменологических исследований. Во-вторых, в качестве ограничивающего момента следует считать в недостаточной степени выясненные границы между очевидностью и правильностью полученных результатов, между строгим порядком и субъективированностью феноменологических процедур.

2) В результате выведения, посредством метода феноменологической редукции, за предметные границы теории права понятия правовой жизни, оно предстает как концепт и интенциональная референция, то есть базовая онтологическая и гносеологическая структура феномена права. Содержание концепта правовой жизни в контексте интегративного правопонимания составляет интерсубъективно разделяемый, доступный для освоения и преобразования мир данностей права, границы которого определяются смысловыми измерениями и измерениями-явлениями. Концепт правовой жизни отражает всю совокупность проявлений права в обществе, описывает топологию персонификации социальности правового субъекта и легитимации форм коммуникации.

3) Конститутивный анализ правосознания как механизма удержания и порождения смыслов права позволяет ответить на вопросы о том, как правосознание «творит» предмет из условий самой предметности права и каковы формы его конституирования. В результате было выяснено, что правосознание воспринимает факты правовой реальности в пассивных синтезах сознания, продуцирует новые смыслы в активных синтезах. Пассивный синтез

правосознания реализуется в эйдетическом созерцании права, а сущность активного синтеза правосознания состоит в порождении новых смыслов, представляющих собой симбиоз образов правовой реальности, идеальных представлений о ней и субъективности. Специфика активного синтеза состоит в том, что он является условием воспроизводства темпоральной структуры сознания, в которой, собственно, и обнаруживается источник и механизм смыслопорождения в праве.

4) Действительный мир права (правовая жизнь) не конструируется данными извне факторами, а конституируются, порождается из собственных оснований, что является аргументом для утверждения процессуальной сущности права и признания конгруэнтности процессуальности смыслообразования и процессуальности реального права. Правовая жизнь в этом контексте предстает как коммуникативный процесс, характеризующийся самоуправляемым развитием (аутопойезисом), а то, что принято понимать под абстракцией «юридическая система», на самом деле, является обозначением функциональной специфики права.

5) Интегративный подход позволяет описать правовую жизнь в двух ипостасях: в гносеологическом аспекте - как структурированный образ (право-структура), а в онтологическом – как процесс (право-процесс). Право-структура и право-процесс различаются между собой по коду описания нормативности, наличию заданных правил интерпретации, влиянию на ход общественного развития.

6) Одним из аспектов исследования правовой жизни является ее описание с помощью такого методологического инструмента как феноменологическая модель. Ее разработка позволяет заменить редуцированные определения права дескрипцией его многоаспектного образа. В феноменологической модели сущностные черты правовой жизни описываются и интерпретируются с позиции объективированных и субъективированных измерений. В состав первых входят социальный опыт и правовые ценности, а субъективированные

измерения предстают в виде субъекта права и таких его свойств как правообязанность, правомочие и способность к суждению.

7) Феноменологическая модель права оказывается эффективным дополнительным инструментом описания процессов, происходящих в современном российском праве, и перспективы его развития в контексте глобализирующегося мира. Общепризнанные утверждения о напряженности и противоречивости этих процессов, прошедшие процедуру феноменологической редукции, вытесняются рефлексией более высокого уровня. В результате проведенное феноменологическое исследование позволило выделить ряд особенностей современного российского права, обусловленных дихотомией процессов интеграции и процессов дифференциации. Влияние этих процессов на современное российское право привело к фрагментации социального опыта, к количественному росту, плюрализации, интернационализации и прагматизации правовых ценностей; к появлению новых типов правовых субъектов, различающихся по степени участия в правовых реформах; к осложнению правового дискурса и форм коммуникации.

Апробация диссертации.

Основные положения диссертации представлены в ряде научных статей, монографии, обсуждались на докторантских семинарах при кафедре философии и культурологии ИППК УрГУ (2004-2009 гг.), были изложены в форме докладов в рамках различных научных конференций, в том числе на III Российском философском конгрессе «Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия» (Ростов-на-Дону, 2002); Международной научно-практической конференции «Проблема правосубъектности: современные интерпретации» (Самара, 2003, 2008, 2009); Международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (Тольятти, 2004); Всероссийской научной конференции «Бренное и вечное: образы мифа в пространствах современного мира» (Великий Новгород, 2004); IV Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации» (Москва, 2005); Международной научно-практической конференции «Высокие

технологии в педагогическом процессе» (Нижний Новгород, 2005); Международной научной конференции «Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания» (Санкт-Петербург, 2007); Международной научной конференции «Социогуманитарная ситуация в России в свете глобализационных процессов» (Москва, 2008).

Научно-практическая значимость работы.

Научно-практическая значимость диссертации определяется тем, что она имеет методологический аспект и, поэтому, имеет непосредственный выход на практику правоприменения, различные сферы правовой культуры. Ее результаты могут быть, в частности, использованы для обоснования позиций различных субъектов права, для разработки методологии прикладных проектов в сфере социального, административного и конституционного права, в преподавании философии, правоведения и философии права.

Структура работы.

Структура диссертации обусловлена необходимостью решения поставленных целей и задач. Работа состоит из введения, четырех глав: первая глава в трех параграфах, вторая глава - в трех, третья глава – в четырех, четвертая глава – в четырех параграфах, заключения и списка литературы. Общий объем работы 356 страниц, список литературы содержит 345 источников, в том числе на английском и французском языках.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, дается характеристика степени разработанности проблемы в научной литературе, определяются цель и задача, а также ее методологические и теоретические основания, представляются научная новизна и практическая значимость результатов исследования.

В первой главе диссертации «**Феноменологическая методология и проблемы социально-философского исследования права**» анализируется проблемная ситуация, сложившаяся в методологии социального познания и

правоведения. В первом параграфе, названном **«Феноменология как неклассическая методология социального познания»** в результате комплексного, основанного на анализе наследия Э. Гуссерля, его последователей (М. Хайдеггер, П. Бергер, Т. Лукман, А. Щюц, Ю. Хабермас и др.) и представителей идейно родственных философских направлений (К. Ясперс, Г. Фреге, Б. Рассел и др.), были выявлены признаки, выражающие специфику феноменологического подхода к социальному познанию, а именно такие признаки как многомерность, гносеологический субъективизм, онтологический интерсубъективизм, процедурность, открытый характер, актуальность, единство онтологического и гносеологического аспектов познания предметов социальной реальности.

С учетом указанных выше признаков анализируются основные феноменологические процедуры: редукция, дескрипция, интерпретация; описывается последовательность их применения в социальном познании, и уточняются границы поля феноменологического исследования социальных явлений. В частности, исследуется вопрос о границе (мере) неклассической рациональности в социальном познании, которая может быть определена через выяснение наличия/отсутствия преемственности, когерентности знаний, солидарности участников коммуникации, в результате которых знание приобретает статус очевидного.

Сравнение феноменологии с такими неклассическими исследовательскими программами как психоанализ и аналитическая философия показывает, что именно в феноменологических исследованиях получила системное обоснование критика овеществления и функционализации форм общественной жизни, объективистского образа науки и техники, узости схемы субъект-объектных отношений, и заданы перспективы для развития гуманистического, практикоориентированного социального знания. В своей совокупности рассмотренные в параграфе концептуальные положения позволяют представить феноменологию в качестве неклассической теории и методологии исследования

социальных явлений и процессов, показать перспективность ее применения к решению проблем теории и философии права.

Во втором параграфе первой главы **«Интегративное правопонимание и феноменология права»** представлены предпосылки и основные тенденции развития современного правоведения от классической к неклассической научно-исследовательской программе. Анализ этих тенденций позволил сделать вывод о том, что в настоящее время можно говорить о достаточно устоявшейся системе спецификаций, отличающих классические и неклассические типы правопониманий, выделить признаки, характеризующие неклассическое правовое мышление:

- 1) переход от концепции моносубъекта (индивид и общество) к концепции полисубъекта (участника коммуникации);
- 2) признание языка в качестве подлинной реальности права,
- 3) утверждение возможности коммуникативно-дискурсивного обновления правовых принципов и норм,
- 4) включение внутреннего опыта правового субъекта в понимание права,
- 5) преодоление в интегративном правопонимании односторонности и финализма классических типов правопонимания.

В параграфе подчеркивается, что рецепция методологии и категориального фундамента феноменологии, распространение принципов неклассической рациональности на теорию права являются основаниями для развития интегративного правопонимания как перспективной версии современного правопонимания. Заявленный в диссертации интегративный подход к пониманию правовой жизни реализуется в нескольких направлениях, определяющих его как специфическую систему представлений о существе праве:

- 1) в методологическом направлении интегративный подход представлен феноменологией как такой неклассической исследовательской программой, которая основана на единстве фундаментального и инструментального (методологического) аспектов социального познания;

2) в гносеологическом направлении интегративный подход проявляется в развитии концепции интегративного правопонимания, качественная специфика которого обусловлена переосмыслением принципов классической правовой методологии и созданием такой модели права, которая позволяет подвергнуть сомнению общепринятые различия между традиционными типами правопонимания и выработать исследовательскую позицию, ориентированную на действительный мир права или правовую жизнь как многомерное социальное явление;

3) в онтологическом направлении интегративный подход предстает как система представлений и интерпретаций структуры и процессов правовой жизни с позиции социального и личностного, аксиологического и нормативного измерений;

4) в праксиологическом направлении интегративный подход позволяет актуализировать в комплексе, посредством феноменологической модели, конкретные тенденции и механизмы преобразований правовой жизни.

Основная мысль данного параграфа состоит в том, что интегративное правопонимание лежит в фарватере развития феноменологии и применения ее методологии к исследованию права. Феноменология, являясь методологической основой интегративного правопонимания, расширяет границы восприятия права, устанавливаемые традиционными типами правопонимания. Она предлагает механизм развития знания о праве посредством критического рефлексивного позиционирования и диалога между альтернативными традициями правопонимания.

Феноменологическая интерпретация предмета интегративного правопонимания требует соотнесения теоретического познания правовой реальности со стремлениями человека, общества к духовно-практическому освоению действительности. Оно показывает непродуктивность реконструкции сущности права, исходя из предметных оснований, поскольку обнаруживает сущность права «на отрезке» между конституирующим сознанием в актах предания значения и реальным правовым опытом. Феноменология права и

интегративное правопонимание ориентированы на актуализацию права, поиск оснований права в человеческом бытии.

Единство тематического и смыслового поля феноменология права и интегративного правопонимания предполагает, что задача объединения традиционных типов правопонимания в единое целое является производной от основной идеи феноменологии права - «реставрации» феномена права, скрывающегося под оболочками понятий и методов научного правоведения.

В третьем параграфе главы, названном **«Проблемы становления феноменологических представлений в философии права»**, анализируются в логике сравнительно-исторического подхода теоретические предпосылки и источники развития феноменологии права. Специфика данного метода заключается в том, что вместо демонстрации хронологической последовательности истории феноменологии, он позволяет реконструировать пространство интеракций между феноменологами и представителями идейно-родственных философских направлений. Автор предлагает следующие блоки интеракций в процессе становления феноменологических представлений:

1) взаимовлияния неокантианства и феноменологии права, связанные с совместной разработкой проблем должного и сущего в праве, intersubъективной интерференции, определяющей его ценностную природу, поиском априорных структур в праве, применением интенционального анализа (Г. Кельзен, Г. Радбрух, Дель Веккио Джорджио, Коссио Карлос и др.);

2) метафизические искания русской философии права, в которых феноменология рассматривалась как основание для «возрождения» естественного права, специфика которого должна была состоять в синтезе различных направлений гуманитарного знания (психологии, социологии, истории, философии) и религиозной метафизики (С. И. Гессен, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев, Ф. А. Степун, Г. Д. Гурвич, Л. И. Петражицкий и др.);

3) аутентичные философско-феноменологические учения, в которых право описывается как сложный феномен с помощью широкого спектра

феноменологических процедур, рассматривается проблема объективной структуры или эйдетической сущности правового логоса, определяется функция горизонта или смыслового предела сущностных характеристик права (Н. Н. Алексеев, А. Райнах);

4) современные философско-правовые интерпретации феноменологии, направленные на восполнение пробелов теории права и уточнение современных определений нормативности с помощью феноменологической редукции, логического учения о значении и принципа интерсубъективности Э. Гуссерля. Их отличает стремление применить данные теоретические положения к решению проблем гражданского, судебного и международного права, правовых техник, правовой политики в отношении национальных меньшинств и ревизии юридического языка (Г. Гуссерль, Ф. Кауфманн, П. Амселек и Б. Вальденфельс и др.).

Таким образом, философско-феноменологические теории права объединяет их обращенность к исследованию эйдетической сущности права и использование феноменологических процедур. Однако отсутствие канонических образцов таких теорий показывает, что аутентичная адаптация феноменологии Э. Гуссерля и его последователей к изучению права практически невозможна и нецелесообразна.

Вторая глава диссертации **«Правовая жизнь как предмет социальной философии и феноменологии права»** посвящена исследованию концепта «правовая жизнь» в контексте философско-феноменологического подхода. Необходимость разработки данного концепта обусловлена тем, что за понятиями «право», «правовая реальность», «правовые отношения», традиционно используемыми в теории и практике права, уже закрепился набор определенных значений. Целесообразно предположить, что до их концептуального конституирования существует право как таковое, то есть совокупность всех правовых явлений и процессов, смыслы которых сосредоточены в интуиции порядка и определяют содержание социального бытия и типичных коммуникаций. Утверждается, что эйдетическая сущность

«живого» права, выявленная методом феноменологической редукции должна быть выражена именно в концепте «правовая жизнь».

Необходимость исследования данного концепта обусловлена требованием интегративного правопонимания обнаружить специфический правовой объект, который бы охватывал различные стадии и ракурсы познания права, представлял его не только в статическом состоянии как структуру, но и в динамическом – как процесс.

Выведение концепта «правовая жизнь» является основной задачей первого параграфа второй главы диссертации - **«Правовая жизнь как смысловой конфигурат права в интегративном правопонимании»**. Трудность решения этой задачи обусловлена тем, что отношение «право – жизнь» характерно для множества экспликаций форм бытия права, представленных разными языками описания и типами правопонимания. Преодолеть указанную трудность автор предлагает посредством придания концепту правовой жизни статуса общей смысловой рамки или конфигурата, интегрирующего в соответствии с неклассическим принципом дополнительности юснатуралистическое понимание «живого права» как универсального образа справедливости, юрпозитивистского представления о правовой жизни как системе объективно обусловленных потребностей в социально-политической стабильности и мероприятий, направленных на их удовлетворение, антитезы «живого права» и «мертвого права» в социологическом правопонимании.

Теоретическим основанием исследования правовой жизни следует считать учение о жизненном мире Э. Гуссерля, а методологическим – процедуру феноменологической редукции. В результате было выяснено, что концепт «правовая жизнь» сущностно связан с учением о жизненном мире по ряду смысловых совпадений: как конституированное единство смыслов; как онтологическая предпосылка «знания о ...» и гносеологическое основание практических действий и решений; как жизненная форма рациональности, реализующаяся в виде регуляции и рефлексии; как форма актуализации норм и

ценностей. Последовательное применение феноменологической редукции позволило сформулировать дополнительные методологические требования к интегративному исследованию права, дать предварительное определение правовой жизни как способа человеческого сосуществования, реализующегося благодаря деятельности правового субъекта в актуальном содержании правовых норм и ценностей.

Анализируя различные трактовки понятия правовой жизни в философской и правоведческой литературе (Дж. Холл, А. Ф. Закомлистов, А. В. Поляков, И. Д. Невважай, С. И. Максимов и др.), автор предлагает сохранить за ним статус концепта, что позволяет, в отличие от научного понятия, охватить не только логически релевантные формы правового мышления, но и предрассудочные формы в виде воображения, интуиции, представлений, показать антиномичность правовой жизни. Концепт не ограничивает исследователя предметными рамками той или иной науки, что, собственно, соответствует замыслу интегративного правопонимания.

Второй и третий параграфы второй главы посвящены исследованию правовой жизни с точки зрения онтологического и гносеологического подходов, которые являются различными сторонами интенционального анализа, направленными на выявление предметного значения и смысла предмета. Гносеологический аспект в рамках феноменологии права определяется в качестве ведущего, так как правовая жизнь конституируется, прежде всего, как пространство осмысления данностей права, результаты которого затем обретает ту или иную форму фактичности. В онтологическом аспекте правовая жизнь характеризуется через совокупность предметных свойств (измерений-явлений) или данностей права.

Во втором параграфе, названном **«Феноменологическое учение о жизненном мире и смысловые измерения правовой жизни (гносеологический аспект исследования)»**, детальному исследованию подвергается проблематика правовой жизни в гносеологическом аспекте. Прежде всего, автор обращает внимание на то, что феноменология

представляет право как горизонт жизненного мира, то есть как некую предварительную данность, которая отступает в будущее в процессе его «опознания». Для реализации феноменологической установки необходимо погружение в допредикативную данность жизненного мира, а затем восхождение к горизонту права с постепенным выделением соответствующих ему онтологических форм и структур. Собственно выражением процесса восхождения к возможным горизонтам права и является концепт «правовая жизнь», предполагающий описание его формы и содержания по мере движения «от...» к «до...».

Автор доказывает предположение о том, что смысловые характеристики жизненного мира совместимы с содержанием концепта «правовая жизнь». В своей совокупности они задают контекст интегративной интерпретации права, целью которой является собственно понимание того, какие смыслы права укорены в структурах сознания.

Данный подход к трактовке концепта правовой жизни дает возможность конкретизировать его содержание за счет следующих смысловых измерений:

1) «правовая жизнь – это действительный мир права»: в данном измерении смысл права определяется как жизненно-практический модус и деятельностный контекст всех коммуникаций: от нормативно обусловленных повседневных контактов до правовых взаимодействий, регламентированных государством;

2) «правовая жизнь – это утраченный фундамент наук о праве»: данное измерение позволяет помыслить правовую жизнь как мир донаучного опыта, в котором правовая жизнь предстает как процесс накопления, конституирования и символизации социально-значимых смыслов, на которые люди ориентируются в своей повседневной деятельности;

3) «правовая жизнь всегда предпослана научному и практическому освоению права»: данное измерение предъявляет самооценность права, обусловленную способностью субъекта права к формированию представлений о «нормальной жизни»;

4) «правовая жизнь – это пространство очевидных утверждений о праве»: данное измерение указывает на то, что смысл права состоит в осознании и артикуляции субъектом права своего присутствия в правовых процессах, а привычность и доступность правовых данностей предполагают выделение из них стандартов в виде норм, образцов поведения, устойчивых реакций на повторяющиеся ситуации;

5) «правовая жизнь – это актуальное право»: констатацией данного измерения утверждается, что смысл активного присутствия в праве (или собственно правовая жизнь) предполагает, что субъект включен в право, он осваивает его и практически, действуя или бездействуя в соответствии с нормами права, участвуя в их создании и т.д., и духовно, представляя право как ценность и форму общественного сознания.

Таким образом, в гносеологическом аспекте правовая жизнь может быть определена как форма потенциальной смысловой содержательности права, реализующаяся в деятельности субъекта права, актуальных формах правосознания и являющаяся первичной по отношению к теоретическим утверждениям о праве.

Третий параграф второй главы посвящен исследованию правовой жизни в контексте измерений-явлений, которые дополняют ранее выделенные смысловые измерения с позиции онтологического аспекта.

«Источником энергии» правовой жизни и ее основным измерением-явлением следует считать правового субъекта, который определяется как правовая личность, обладающая собственным правосознанием и способностью принимать активное участие в правовой жизни посредством правовой коммуникации. Центральное положение субъекта права в правовой жизни обусловлено такими его качествами как «быть носителем правосознания» и «быть правовым деятелем». Содержание такой характеристики правового субъекта как «быть носителем правосознания» определяется когнитивной активностью правосознания и практической реализацией ее результатов, которые, в свою очередь, зависят от правовой воли. В той мере, в какой

правосознание субъекта и его воля устремлены вовне, в практическую деятельность, правовой субъект утверждает в ней свое существование и предстает как правовой деятель. Содержание характеристики субъекта права «быть правовым деятелем» определяется внутренним противоречием между правообязанностями и правомочиями. Последние не только описывают сущность субъекта права, но и образуют отдельный аспект правовой жизни, специфика которого определяется связью с существующей системой законодательства. Наличие указанной связи позволяет говорить о правовой жизни как о нормативном процессе существования субъекта права. Феноменологический подход к пониманию правовой нормы определяет ее как форму ноэтической связи между правовым субъектом и данностями правовой жизни.

В качестве следующего измерения-явления правовой жизни выделяются правовые суждения, которые репрезентируют данности правовой жизни и обуславливают коммуникацию между субъектами права. Правовые суждения могут быть формально-логическими построениями и, в этом качестве, сигнализировать о нормативной связи субъекта с законодателем и институтами (перформативные суждения), но могут быть выражены и в форме суждения субъекта права о своей состоятельности в качестве такового (мотивирующие суждения).

Субъект права с его способностями представляет правовую жизнь со стороны ее актуализированности и рефлексивности. Однако в составе правовой жизни существует измерение-явление, связанное с деятельностью субъекта права, но не всегда осознаваемое им целиком. В феноменологии такая структура получила название опыта или интуиции пережитого-прожитого. В данном исследовании понятие опыта описывается как форма освоения действительности, имеющая личностно-значимый и социально-значимый, практический, духовный, духовно-практический, практически-духовный уровни. Кроме того, поскольку деятельность интерсубъективна, то основной

предикацией опыта должна быть социальность или, в терминологии П. А. Сорокина, «социальная душа».

Следующим измерением-явлением правовой жизни являются правовые ценности, которые с одной стороны, выражают отношение субъекта права к действительности, а с другой - опосредуют связь данного субъекта с предзаданными способами существования. Кроме того, правовые ценности самореферентны, что позволяет им быть критериями оценки реальных фактов с точки зрения ценностности и контрценностности.

Таким образом, если рассматривать правовую жизнь как мир данностей права, то она предстает как постоянно воспроизводящиеся варианты интуиции порядка, которые корректируются с социальным опытом и реализуются в специфических способностях субъекта права. Совокупность этих данностей и система связей между ними и образует онтологической конструкцию (модель), значение которой состоит в том, что она открывает наличное бытие правовой жизни и актуализирует ее предметное значение.

В третьей главе диссертации **«Феноменологические процедуры и социально-онтологический статус правовой жизни»** к исследованию сущности правовой жизни применяются процедуры феноменологической редукции и дескрипции, что позволяет определить ее как постоянный процесс порождения социальных смыслов, ставится задача выявления социально-онтологических условий познания и существования правовой жизни. В качестве таких условий определяются правосознание и ипостаси правовой жизни: «право-структура» и «право-процесс».

В первом параграфе, названном **«Конституирование права: опыт интенционального анализа и феноменологической редукции»**, в качестве изначальной данности и предмета применения феноменологических процедур определяется правосознание как механизм удержания и порождения смыслов права. Поскольку задачей данного параграфа является обнаружение механизма смыслообразования права, то основной методологической процедурой полагается такой вид интенционального анализа, как конститутивный анализ,

позволяющий ответить на вопросы о том, как правосознание «творит» предмет из условий самой предметности права и каковы формы его конституирования.

В результате было выяснено, что правосознание воспринимает факты правовой реальности в пассивных синтезах сознания и продуцирует новые смыслы в активных синтезах сознания, при этом каждой форме конституирования права свойственны собственные продукты. Так, вследствие того, что пассивный синтез правосознания является сущностным созерцанием права, то его продуктам присущ характер простых констатаций некоторых абстракций. Примерами такого рода констатаций являются многочисленные допущения догматики права: «физическое лицо», «публичное право», «частное право» и т.д. Возможные на этом уровне разрушение осмысленности временных перспектив, девальвация значимости различных траекторий развития правосознания на практике компенсируются созданием разнообразных социальных технологий «управления временем» (эффект тотальной синхронизации).

Суть активного синтеза состоит в продуцировании новых смыслов, образующих в своей совокупности признанное собственное бытие права, являющееся результатом когеренции (согласованного протекания во времени) потоков правосознаний. Специфика активного синтеза определяется имманентно присущей правосознанию темпоральностью, то есть его обусловленностью внутренним временем. В этом случае право предстает в правосознании как то, что меняется не столько под воздействием тех или иных объективных условий (экономических, политических, социальных т.д.), сколько в результате изменения временных перспектив (осовременивания) индивидуальных сознаний. Внутреннее движение правосознания от точки отчета события («только-что-прошедшее» или ретенция) к «теперь» и другому «теперь» реализуется в постепенном охвате сознанием все новых и новых смысловых горизонтов и превращении образа-паттерны данной ситуации в непосредственное «видение» результата, в соответствии с которым принимается решение (протенция). В этом ментальном потоке собственно и

обнаруживается источник и механизм смыслопорождения. Право наполнено продуктами активного синтеза сознания. Среди них важнейшими являются правовые концепты, которые затем могут трансформироваться в правовые факты, символы, презумпции, фикции и т.д.

Применение интенционального анализа и феноменологической редукции к исследованию правовой жизни позволяет утверждать, что процесс конституирования права является основанием допущения процессуальной сущности права и признания конгруэнтности процессуальности смыслообразования и процессуальности правовой жизни.

Второй параграф **«Проблема поиска онтологических оснований правовой жизни: структура или процесс»** посвящен доказательству данного положения. При этом подчеркивается, что в целях его всестороннего исследования, необходимо рассмотреть дихотомию: правовая жизнь как структура и правовая жизнь как процесс.

Нетрадиционность данного подхода к решению проблемы поиска онтологических оснований правовой жизни предполагает обращение к исследованию истории развития философии и феноменологии права. Проведенный анализ показывает, что Э. Гуссерль, утверждая внутреннее время сознания, избегал рассматривать реальность как таковую в формах временности, изменчивости и процессуальности. А его последователи Н. Н. Алексеев и А. Райнах полагали, что правовой смысл существует вне временного контекста, но он обнаруживается во времени, когда рассматривается как социальное явление. Структурно-функциональный подход и теория систем обнаруживают ряд недостатков, связанных с условностью дихотомии «синхрония–диахрония», отсутствием учета активности субъекта познания, нерешенностью вопроса о природе и механизме реальных социальных изменений, эклектикой методов познания и т.д. В альтернативных подходах к решению вопроса об онтологии социальных явлений (К. Поппер, Р. Нисбет, Ч. Тилли и И. Валлерстайн) прослеживается переход от «опорного»

представления о структурности к процессуальности как главному предмету практических и теоретических проблем познания социальной реальности.

Анализ традиции философии процесса (А. Бергсон, Н. О. Лосский и А. Уайтхед) также не обнаруживает однозначной аргументации в пользу тезиса о процессуальности правовой жизни, так как онтология процесса теоретически обеспечивается с одной стороны, неуничтожимостью длительности как имманентного качества мира сознания и мира вещей, а с другой – необходимостью сверхвременных начал. Стремление к интеграции структурности и процессуальности как модусов онтологии социальной реальности характерно и для современной социальной философии (Дж. Александер, Ю. Хабермас, А. Сикурела, Э. Гидденс, И. Валлерстайн, Н. Луман).

Предложенный анализ теоретических и методологических оснований тезиса о процессуальности правовой жизни позволяет утверждать, что процесс не является ее абсолютной субстанцией, поскольку правовая жизнь обнаруживает структурные свойства, которые, однако, существуют только в процессуальном измерении. Таким образом, решение проблемы поиска онтологических оснований правовой жизни состоит в формировании интегративного опыта описания права и выделении в целостности правовой жизни двух взаимосвязанных ипостасей: «право-структура» и «право-процесс».

В третьем параграфе, названном **«Структурность и процессуальность права в «скобках» феноменологической редукции»**, исследование продолжено в этом же направлении, что и в предыдущем. При этом постулирование процессуальной сущности правовой жизни, в целях чистоты феноменологического исследования, вновь заключается в «скобки». Применение феноменологической редукции в связке с интенциональным анализом призвано обнаружить первоисточники специфической действительности права, выявить предметную определенность и бытийный смысл права как региональной онтологии. Дескрипция позволяет достигнуть эффекта ясности восприятия исследуемого предмета – правовой жизни, на

основе разложения наблюдаемых явлений на два типа: право-структура и право-процесс. Интерпретация обращает исследование к проблеме понимания смысла изменений, происходящих в правовой жизни.

Доказательство тезиса об интеграции структурности и процессуальности как сторон правовой жизни разворачивается с позиции сущностного и функционального аспектов. С позиции первого из аспектов доказательство представлено следующими аргументами:

1) правовой субъект является источником смыслового и фактического единства структурности и процессуальности правовой жизни: не существует субъекта права, который бы не был включен в какую-либо институцию права или не был участником какого-либо правового процесса, именно благодаря его деятельности правовые структуры воспроизводятся в правовых процессах;

2) воспроизводство правовой структуры связано с процессом рациональной, институализированной деятельности правового субъекта, направленной на поддержание или изменение социального порядка;

3) структуры права, характеризующие правовую жизнь с точки зрения ее устойчивого состояния, реализуются в процессе правовой деятельности субъектов в форме правоотношений и правовой коммуникации;

4) поскольку правовой процесс представляет собой дискретную совокупность непрерывно изменяющихся феноменов правосознания и институций, то каждый из них естественным образом соответствует определенному уровню структурной организации правовой жизни;

5) правовая структура в отношении правового процесса выполняет две функции: функцию селекции, направленную на включение/исключение фактов и событий правовой жизни в правовой процесс, и функцию дифференциации или различения ее формальных и сущностных данностей (например, различение правовых ценностей и норм, закона и права, государства и общества и т.д.).

С позиции функционального аспекта доказательство тезиса об интеграции структурности и процессуальности как ипостасей правовой жизни

показывает, что различие этих сторон реализуется в том, что право-структура и право-процесс не совпадают в отношении кода описания нормативности. Действительно, право, рассмотренное с точки зрения его структурных свойств, призвано фиксировать напряжение в обществе и редуцировать сложность до «нормального» состояния. Право-процесс актуализирует смыслы правовой жизни, но не аккумулирует знания о возможных нормативных конфликтах, поэтому и не предотвращает их появление.

Следующий критерий анализа права-структуры и права-процесса – это наличие заданных правил или кодов, организующих их интерпретацию. В отношении права-структуры код оказывается тождественен логической схеме процедуры установления факта законности/незаконности. В праве-процессе, особенно в условиях девальвации принципов правового государства, код законное/ незаконное меняется на код причастности/непричастности к институтам власти и источникам распределения материальных благ.

Третья характеристика касается характера влияния права-структуры и права-процесса на ход общественного развития. Если право-процесс является ключевым фактором позитивных и негативных изменений в обществе, то право-структура может, как стимулировать, так и блокировать его развитие. Таким образом интеграция права-структуры и права-процесса означает их сущностное единство при наличии функциональных различий: право-структура процессуальна, а право-процесс порождает инвариантные сочетания элементов в идее различных структур.

В четвертом параграфе **«Феноменологическая дескрипция правовой жизни в контексте мировых социальных изменений (на примере современного российского права)»** демонстрируется применение комплекса феноменологических процедур, состоящего из редукции, дескрипции и интерпретации к исследованию правовой жизни современной России и конкретизируются полученные в предыдущем параграфе выводы. В частности, в этом ракурсе российское право предстает «ареной» двух разнонаправленных процессов: интеграции в глобальное правовое пространство и дифференциации

по отношению к нему. Интегративные процессы можно условно разделить на естественные и искусственные. Естественные процессы, определяемые внутренней логикой развития мирового сообщества, проявляются в интенсификации взаимодействий в сфере международного права, включении России в процесс сближения правовых семей, рецепции прецедентного права и т.д. К искусственным относятся процессы включения России в мировое сообщество посредством специально созданных механизмов в виде модельного права и, так называемого, «электронного правительства». Следует заметить, что искусственные процессы рассчитаны на субъект права, обладающего такими развитыми способностями как рефлексивность, интересубъективность, способность к суждению, признание правовых ценностей, в том числе и признание личности как правовой ценности.

Противоположные процессам интеграции процессы дифференциации представляют уникальность российского права или направлены на сохранение сложившегося социального опыта. Во-первых, современное российское право активно пополняется нормами, которые вытесняют моральные регулятивы личной и общественной жизни формализованными юридическими предписаниями, девальвируют ценность личной инициативы и ответственности за выбор той или иной стратегии поведения. Другой особенностью российского права является беспрецедентное усиление напряженности символической борьбы между государством и обществом за право номинировать правовые ценности и интерпретировать правовые нормы.

Третьей спецификацией правовых процессов в России является их разнонаправленный, стихийный характер, обусловленный переходом страны от одного общественно-политического строя к другому. Длительность и драматизм становления правового государства в России можно объяснить тем, что ее правовая система (или структура) и происходящие правовые процессы являются связанными, но не совпадающими по своему существу явлениями. Гипертрофированное доминирование правовых структур над происходящими процессами является причиной внутренних колебаний легитимности, что, в

свою очередь, порождает бессистемность и юридических средств регулирования общественных отношений в изменившихся условиях.

Таким образом, проведенное феноменологическое исследование современного российского права позволило выделить основные его особенности, реализующиеся в активном процессе смыслообразования, актуализируемом обострением символической борьбы, и в конфигурации противоречий глобализации в единстве процессов интеграции и дифференциации. Кроме того, применение феноменологической редукции, дескрипции и интерпретации конкретизировало актуальные проблемы развития современной российской правовой жизни, показало неочевидные, на первый взгляд, изменения в правовых институтах, нормах, а также в основаниях правовой культуры.

В четвертой главе диссертации, названной **«Феноменологическая модель как структурообразующая интенция исследования правовой жизни»** исследуются элементы структуры феноменологической модели, показывается ее методологическое значение как «фокуса» дескрипции правовой жизни, конкретизирующего содержание ранее выделенных смысловых измерений и измерений-явлений.

В первом параграфе **«Понятие феноменологической модели права и ее структура»** определяется сущность процедуры моделирования, демонстрируется ее связь с другими феноменологическими процедурами. Значение моделирования определяется тем, что оно позволяет представить образ исследуемого явления через описание его существенных признаков. Полученный образ, с одной стороны, несет в себе уникальные черты той или иной интенциональной практики, а с другой - обнаруживает черты нормативности и социальной обусловленности. При этом надо иметь в виду, что все социальные модели производны, так как являются результатом обобщения идеальных объектов – социальных смыслов, конституированных интенционально ориентированным сознанием людей.

В истории правовой и философской мысли известен только один опыт создания феноменологической модели права (правовой структуры), принадлежащий выдающемуся русскому правоведу Н. Н. Алексееву. В диссертации уточняются основные положения данного учения с позиции актуального права и предлагаются следующие измерения феноменологической модели:

- 1) социальный опыт, задающий контекст реализации всех остальных элементов правовой структуры;
- 2) правовые ценности, определяющие цель и содержание правовых практик;
- 3) субъекты права, характеризующиеся со стороны своих способностей действовать и быть признанными в пространстве права;
- 4) суждения субъектов права, актуализирующие их способности и придающие значение правовым фактам.

Итак, феноменологическая модель призвана постигнуть целостность права изнутри и усилить эффект дескрипции и интерпретации конкретных проявлений правовой жизни. Во втором параграфе, названном **«Социальный опыт и правовые ценности как объективированные измерения феноменологической модели правовой жизни»**, с помощью указанных процедур исследуются социальный опыт и правовые ценности. Они, с одной стороны, представляют собой измерения-явления или данности правовой жизни, а с другой – структурные составляющие феноменологической модели. Исходным структурным элементом и объемлющей смысловой рамкой феноменологической модели полагается социальный опыт. В третьем параграфе второй главы диссертации был представлен анализ социального опыта как измерения-явления, дано предварительное определение. На данном этапе исследования оно уточняется через рассмотрение его содержательно-генетического единства с понятиями «опыт», «жизненный мир» и «деятельность».

Учитывая разнообразие смысловых корреляций исследуемого понятия, можно утверждать, что социальный опыт – это всегда опыт деятельности,

взятой со стороны проявлений субъекта. Он закрепляет потенциал практически действующего и мыслящего субъекта, придает и процессу, и результату деятельности ценностный характер. Будучи формой освоения действительности, опыт аккумулирует в себе не только эмоциональные и интеллектуальные переживания по поводу деятельности, но и содержит ее схему. С одной стороны, социальный опыт служит основанием феноменологического постижения предметов, представляющего их в идеально-значимой форме – в виде ценностей и норм, а с другой - оказывается непосредственно связанным с преобразованием социальной действительности в соответствии с потребностью субъектов в их совместном признании.

Социальный опыт в правовом контексте предстает как совокупность коллективных действий по признанию правовых ценностей, воплощенных в социальных фактах и схемах деятельности. Будучи результатом их устойчивого воспроизводства, социальный опыт аккумулирует исторически развившиеся способности субъектов права, что позволяет определить правовые ценности в качестве нерелефлексивной меры освоенного и неосвоенного в правовой жизни. С феноменологической точки зрения правовые ценности – это смыслообразующие основания и принципы права, определяющие практическую значимость притязаний правового субъекта и обеспечивающие его включенность в социокультурные процессы конкретного общества.

Целесообразно различать ценности, которые достигаются с помощью права (ценности порядка, благополучия, личной защищенности) и собственно два вида правовых ценностей. Первый вид – эйдетические правовые ценности или ценности самого права, имеющие потенциальный характер и независимые от их конкретно-исторического воплощения или от целей законодателя (правовые нормы, субъект права, правовые права и обязанности, принципы правового порядка). Второй вид - актуальные правовые ценности, представляют те же самые ценности, но рассмотренные в определенном историко-культурном контексте, системы действий и оценок воспринимающего их субъекта (например, смысловые нюансы в содержании права собственности).

Феноменологическое исследование правовых ценностей предполагает установление общего и различного между ними и правовыми нормами. Содержательно-генетическая связь между ними определяется тем, что правовые нормы и ценности включены в общий для них контекст социального опыта; являются умоглядными формами, хранящими в себе идеальный объективный смысл; представляют собой выражение меры в объективно возможной организации деятельности и, наконец, долженствование, определяемое нормой, возможно лишь при наличии ценностного отношения к норме.

Различие между правовыми ценностями и правовыми нормами обусловлено тем, что если правовые ценности являются мерой осмысленности общественного существования человека, то правовые нормы всегда бессубъектны, деперсонифицированы и не учитывают оценку воспринимающего их субъекта. Правовые нормы, в отличие от правовых ценностей, всегда связаны с системой государственного контроля, гарантирующей социальный порядок, но его нормативная основа сама может быть источником противоречий и конфликтов. Кроме того, в отличие от правовых норм, которые могут быть очевидным выражением произвола, диктата, следствием проведения политических, экономических и социальных экспериментов, правовые ценности могут быть только положительными. Следствием сравнительного анализа правовых ценностей и норм становится разработка механизма их связи с социальным опытом и общечеловеческими ценностями.

Содержание третьего параграфа **«Субъект права и его способности как субъективированные измерения феноменологической модели правовой жизни»** дополняет структуру феноменологической модели субъективированными измерениями: субъектом права и его специфическими способностями, реализующимися в виде правообязанностей, правомочий и способностей к правовым суждениям. Во второй главе диссертации уже был

представлен достаточно подробный их анализ, однако рекурсивное обращение к их исследованию позволяет решить следующие взаимосвязанные задачи:

1) представить феноменологическую модель права в целостном виде через восстановление связей между всеми ее элементами;

2) расширить смысловое пространство социально-философского аспекта исследования через создание теоретических предпосылок для изучения актуальных проблем и конкретных проявлений современного права.

В ходе их решения было показано, что жизненный мир права укоренен в социальном опыте, а конституируется и «обрастает» интерпретациями благодаря субъекту права. Его активность в отношении данностей социального опыта дает основание утверждать тождество следующих модусов: «быть носителем правосознания», «быть правовым деятелем» и «быть признанной и охраняемой правопорядком ценностью». Данные теоретические констатации позволяют сформулировать некоторые социально-философские проблемы правосубъектности, наметить пути их решения. В частности, ставится проблема символического статуса юридического лица, обнаруживаемого в его отношениях к государству и гражданам; решается вопрос о возможности признания правового субъекта в качестве ценности в условиях минимализации его прав и гипертрофии правовых обязанностей; рассматривается природа правового конфликта и механизм его разрешения через признание ценности различных коммуникативных перспектив; утверждается, что различия между интенциональными переживаниями субъекта прав и субъекта обязанностей являются предпосылкой формирования правового нигилизма и неведения.

В данном исследовании, кроме того, субъект права рассматривается в контексте способности включаться в дискурсивную практику, встроенную в механизмы intersubjectivного конституирования смыслов общественного бытия. Предназначение правового дискурса в современном мире состоит в том, чтобы обнаружить в нем проблемы и «линии напряжения» в реализации ценностей либерализма и правового государства. На основе анализа подходов к

определению сущности правового дискурса рассматриваются его основные стратегии:

1) правовой дискурс ориентирован на поиск и разработку социально-значимых тем и истинных доводов, утверждающих позитивные предложения для решения общественных проблем (Ю. Хабермас);

2) правовой дискурс предполагает использовать силу языка для борьбы с произволом власти, в том числе и власти закона (М. Фуко);

3) специфика правового дискурса состоит в создании языковых инструментов и выработке процедур, благодаря которым правовое принуждение переносится в пространство речи (П. Рикер).

В результате делается вывод, что активность субъекта правовых суждений проявляется в том, что производимые им тексты и отдельные высказывания не ограничены нормам формально-логического вывода, а являются средством выражения социального опыта, мерой равновесия между притязаниями субъекта и его общественным признанием.

В четвертом параграфе **«Феноменологическая модель как «фокус» дескрипции правовой жизни (на примере современного российского права)»** показаны результаты дескрипции современной российской правовой жизни посредством применения феноменологической модели. В частности, было выявлено, что социальный опыт эпохи правовой трансформации характеризуется возрастающей дискретностью, проявляющейся в различиях укладов правовой жизни и схем поведения правовых субъектов. Другая особенность социального опыта состоит в активизации символической борьбы, специфика которой в контексте российского права обнаруживается в инверсивной направленности, а также в напряженном соревновании различных социальных сил за право формирования правовых ценностей. Еще одной гранью социального опыта является дихотомия патерналистских и либеральных ценностей, связанная с тем, что в правосознании совершает маятниковое движение от одних к другим по мере изменения вектора социальных ожиданий.

Учитывая то, что социальный опыт придает деятельности субъекта права ценностный характер, он является основанием изменений, происходящих в системе правовых ценностей. Эти изменения в контексте опыта российского права идут в таких направлениях, как количественный рост правовых ценностей, плюрализация правовых ценностей, интернационализация правовых ценностей и замещение общекультурного содержания правовых ценностей инструментальным.

Фактическое воздействие ценностных трансформаций можно обнаружить в описаниях субъекта права, в реализации его правовых способностей. В этой связи следует констатировать, что множество субъектов российского права неоднородно и может быть классифицировано по степени активности их включения в процессы правотворчества и правоприменения на мезоакторы, макроакторы и микроакторы. Ориентация всех типов акторов на личные интересы является доминирующей и отличается от уровня к уровню количественными и качественными показателями ресурсов, задействованных в их реализации.

Очевидны изменения, происходящие в направленности и стратегии правового дискурса, обусловленные дистанцированием субъектов права от идеологем «правовое государство» и «гражданское общество». Столь же ярко выражено неприятие со стороны большей части россиян правового беспредела, бесправия и произвола. Место отчужденности и недоверия постепенно начинает занимать осознание субъектами права себя как высшей правовой ценности. Наблюдаемое в последнее время расширение круга участников правотворчества, проникновение права во все формы общественной коммуникации открывают новое видение процедуры интерпретации правовых текстов.

Представленная в исследовании феноменологическая модель правовой жизни позволила конкретизировать основные направления происходящих изменений, оценить состояние современного российского права как

переходное, нуждающееся во всестороннем социально-философском осмыслении.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные результаты, определяющие его новизну, намечаются перспективы социально-философского изучения права с позиции феноменологии.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

I. Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных Высшей аттестационной комиссией:

1. Пантыкина М.И. Российское право в контексте философско-методологических исканий /М.И. Пантыкина //Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. - 2004. - № 3 (33) - с. 139-148 (0, 6 п.л.).

2. Пантыкина М.И. Особенности методологических исканий в русской философии права /М.И. Пантыкина //Наука – производству. Ежемесячный научно-технический журнал. – 2005 . - № 5 (85). – с. 37-39 (0,5 п.л.).

3. Пантыкина М.И. Проблема личности в русской философии права XIX – XX веков /М.И. Пантыкина //Наука – производству. Ежемесячный научно-технический журнал. – 2005. № 5 (85). – с. 40-43 (0, 5 п.л.).

4. Пантыкина М.И. Правовые ценности в контексте социального опыта (философско-феноменологический подход) /М.И. Пантыкина //Философия права. – 2007. - № 5 (25). – с. 44- 48 (0,6 п.л.).

5. Пантыкина М.И. Право-структура и право-процесс как формы бытия права /М.И. Пантыкина //Философия права. – 2008. - № 5. (30). – с. 36-40 (0,6 п.л.).

6. Пантыкина М.И. Понятие и структура правовой жизни (опыт философско-феноменологической интерпретации) /М.И. Пантыкина //Философия права. – 2009. - № 3 (34). – с. 77-81. (0,6 п.л.).

7. Пантыкина М.И. Конституирование права как процесс его смыслообразования /М.И. Пантыкина //Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. - № 2. -с. 25-30 (0,5 п.л.).

8. Пантыкина М.И. Концепт «правовая жизнь»: опыт философско-феноменологической интерпретации /М.И. Пантыкина //Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2009. - № 3 (69) – с. 18-28 (0,5 п.л.).

9. Пантыкина М.И. Концепт «правовая жизнь»: социально-философский аспект исследования /М.И. Пантыкина //Среднерусский вестник общественных наук. – 2009 - № 4. -с. 43-51 (0,5 п.л.).

II. Научная монография:

10. Пантыкина М.И. Феноменологическая методология: опыт исследования права /М.И. Пантыкина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2008. – 240 с. (15 п.л.).

III. Другие публикации:

11. Зяблова М.И. Понятие «политический опыт» (философско-социологический аспект) /М.И. Зяблова //Политика как фактор ускорения: Сборник научных трудов. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – с. 47-55 (0,55 п.л.).

12. Пантыкина М.И. Человек в системе рыночных отношений (символ и культура) /М.И. Пантыкина //Человек как космический феномен (новые гуманитарные и естественнонаучные подходы). Материалы к первой научно-теоретической конференции. – Ижевск: Изд-во Удмурдского университета, 1993. – с. 117-119 (0,2 п.л.).

13. Пантыкина М.И. Место символов в пространстве права /М.И. Пантыкина //Вестник Волжского университета им. В.И.Татищева. – Сер. «Философия». – Вып. 1. – Тольятти: ВУиТ, 2000. – с. 92-100 (0, 5 п.л.).

14. Пантыкина М.И. Теория и методология философии символических форм Э. Кассирера /М.И. Пантыкина //М.И. Пантыкина //Вестник Волжского университета им. В.И.Татищева. – Сер. «Философия». – Вып. 2. – Тольятти: ВУиТ, 2001. – с. 114-122 (0, 5 п.л.).

15. Пантыкина М.И. Вопросы онтологии и гносеологии права в контексте символизма //Вестник Волжского университета им. В.И.Татищева. – Сер. «Философия». – Вып. 2. – Тольятти: ВУиТ, 2001. – с. 121-127 (0, 5 п.л.).

16. Пантыкина М.И. Метафизические предпосылки теории права /М.И. Пантыкина //Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Тезисы докладов и выступлений III Российского философского конгресса. - В 3-х т. - Т.3. - Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. – с. 356-357 (0,2 п.л.).

17. Пантыкина М.И. Лицо и право /М.И. Пантыкина //Проблема правосубъектности: современные интерпретации. Материалы научно-практической конференции. – Самара: Самар. гуманит. академия, 2003. – с. 9-14 (0,42 п.л.).

18. Пантыкина М.И. Правовое пространство и время: поиск онтологических оснований /М.И. Пантыкина //Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики // Правоотношения и правовая ответственность. Материалы Международной научной конференции. - Ч. 1. - Тольятти: ВУиТ, 2004. – 62-66 (0,3 п.л.).

19. Пантыкина М.И. Прологомены к теории правовой символизации /М.И. Пантыкина //Бренное и вечное: образы мифа в пространствах современного мира. Материалы Всероссийской научной конференции. - Великий Новгород: Новгородский государственный ун-т, 2004. – с. 167-171 (0,5 п.л.).

20. Пантыкина М.И. Философия как вид интеллектуальной практики /М.И. Пантыкина // Проблемы университетского образования: содержание и

технологии. Сборник трудов I Всероссийской научно-методической конференции. - Тольятти: ТГУ, 2005. – с. 18-21 (0,2 п.л.).

21. Пантыкина М.И. Феномен правового дискурса: поиск онтологических оснований /М.И. Пантыкина //Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. - В 5-ти т. - Т.5. – Москва: «Современные тетради», 2005. – с. 129-130 (0,2 п.л.).

22. Пантыкина М.И. Опыт трансформации правовых ценностей в послевоенной Германии и правовая культура современной России /М.И. Пантыкина //Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в современной исторической науке. Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Тольятти: ТГУ, 2005. – с. 253-259 (0,5 п.л.)

23 Пантыкина М.И. Современное российское право в условиях социокультурных изменений: опыт феноменологической дескрипции /М.И. Пантыкина //Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания. Материалы Международной научной конференции. - Санкт-Петербург: СПбГУ, 2007. – с. 176-179 (0,6 п.л.).

24 Пантыкина М.И. Опыт философской интерпретации теории языка Ф. де Соссюра /М.И. Пантыкина //Вестник Гуманитарного института. – 2007. № 1. – с. 24-33 (0,6 п.л.).

25. Пантыкина М.И. Феноменологическая методология в контексте обновления социального знания /М.И. Пантыкина //Вестник Гуманитарного института. – 2007. № 2.– с. 7-14 (0,5 п.л.).

26. Пантыкина М.И. Темпоральность правосознания (философско-феноменологический подход) /М.И. Пантыкина //Проблема правосубъектности: современные интерпретации. Материалы Международной научно-практической конференции. – Самара: Изд-во САГА, 2008. – с. 11-14 (0,3 п.л.).

27. Пантыкина М.И. Российское право в глобализирующемся мире /М.И. Пантыкина //Социогуманитарная ситуация в России в свете глобализационных процессов. Материалы Международной научной конференции. – Москва: Макс-Пресс, 2008. – с. 344-147 (0,3 п.л.).

28. Пантыкина М.И. Становление феноменологических представлений в философии права /М.И. Пантыкина //Вестник Гуманитарного института. – 2008. № 1. – с. 43-52 (0,6 п.л.).

29. Пантыкина М.И. Правовая жизнь и субъект права (философско-феноменологический подход) /М.И. Пантыкина //Проблема правосубъектности: современные интерпретации. Материалы Международной научно-практической конференции. – Самара: Изд-во САГА, 2009. – с. 3-7 (0,3 п.л.).

30. Пантыкина М.И. Феноменология как неклассическая научно-исследовательская программа /М.И. Пантыкина //Вестник Гуманитарного института. – 2009. № 5. – с. 16-25 (0,6 п.л.).

31. Пантыкина М.И. Интегративное правопонимание как неклассическая концепция права /М.И. Пантыкина //Юрист-правовед. – 2009. - № 4 (35). – с. 16-20 (0,6 п.л.).